

Алексей
Кара-Мурза

Знаменитые русские ВЕНЕЦИИ

ТОЛБУЗИН • РАЛЕВЫ • КУРАКИН • ТОЛСТОЙ
ШЕРЕМЕТЕВ • ФОНВИЗИН • ВОРОНЦОВЫ
ПОГОДИН • АННЕНКОВ • УВАРОВ • ГЕРЦЕН
ВЯЗЕМСКИЙ • ЯКОВЛЕВ • ДОСТОЕВСКИЙ
ЧАЙКОВСКИЙ • ВРУБЕЛЬ • СУРИКОВ • ЧЕХОВ
АННЕНСКИЙ • ВАСНЕЦОВЫ • БЕНУА • БЛОК
ГЛАГОЛЬ • РОЗАНОВ • БРЮСОВ • ПЕРЦОВ
МАНДЕЛЬШТАМ • АХМАТОВА • ГУМИЛЕВ
ПАСТЕРНАК • ОСОРГИН • ЗАЙЦЕВ • МУРАТОВ
ХОДАСЕВИЧ • ДЯГИЛЕВ • СТРАВИНСКИЙ
ВЕЙДЛЕ • ЭЙДЕЛЬМАН • БРОДСКИЙ • ВАЙЛЬ

Алексей Кара-Мурза
Знаменитые русские о Венеции

«Издательство Ольги Морозовой»

2019

УДК 821.111.3

ББК 63.3(2)я48-7+63.3(4 Ита)-7

Кара-Мурза А. А.

Знаменитые русские о Венеции / А. А. Кара-Мурза —
«Издательство Ольги Морозовой», 2019

ISBN 978-5-98695-087-7

Новая книга доктора философии и автора монографий по истории русской общественной мысли Алексея Кара-Мурзы посвящена Венеции. В исследовании собраны уникальные материалы о пребывании в Венеции известных литераторов, художников и общественных деятелей: Петра Чайковского, Михаила Врубеля, Александра Блока, Бориса Пастернака, Сергея Дягилева, Игоря Стравинского, Иосифа Бродского. Русские деятели культуры расставляют неожиданные акценты в понимании тонущей красоты Венеции, соединяя поэзию и звуки, архитектуру и живопись. Герои каждого эссе показывают город в совершенно разных ракурсах и заставляют нас заглянуть в душу отраженного в воде города.

УДК 821.111.3

ББК 63.3(2)я48-7+63.3(4 Ита)-7

ISBN 978-5-98695-087-7

© Кара-Мурза А. А., 2019

© Издательство Ольги
Морозовой, 2019

Содержание

Русская Венеция. Сказка о сохраненном времени	7
Часть первая	16
Семен Иванович Толбузин	16
Дмитрий Иванович и Мануил Иванович Ралевы	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Алексей Кара-Мурза

Знаменитые русские о Венеции

© Издательство Ольги Морозовой, 2019

© А. Кара-Мурза, 2019

© Д. Черногаев, оформление, 2019

* * *

Памяти венецианского друга Витторио Страда

Русская Венеция. Сказка о сохраненном времени

*Что же ты молчишь, скажи, венецианка,
Как от этой смерти праздничной уйти?*

О. Мандельштам. “Венецианской жизни...”

*Венеция – постоянная вдохновительница наших успокоений.
Надпись на надгробии С. Дягилева на венецианском кладбище Сан-Микеле*

I

В конце прошлого века русский искусствовед, знаток Венеции Петр Петрович Перцов написал, что, по-видимому, прав был Платон, когда говорил о “врожденных идеях” – о том, что человек знает и ощущает как-то “сам собой”, хотя узнано это не им, а его отцом, дедом, вообще предками, человечеством... К числу таких “врожденных идей” Перцов относил и Венецию: *“Каждый из нас, не бывая в Венеции, знает Венецию. Это – улицы-каналы, лодки-экипажи, старые дворцы, обветшавшая роскошь, черные плащи гондольеров, черные кружева красавиц...”*.

“Врожденные идеи” реализуют способность человечества откладывать, запечатлевать в “коллективном бессознательном” то, что род в целом согласен удержать в качестве общезначимого опыта. Но, имея столь ответственное предназначение, “врожденные идеи” сохраняются в духовном опыте человечества только при условии их постоянного подтверждения и материализации. Пушкин не знал реальной Венеции, когда писал свои “Адриатические волны...” или “Старый дож плывет в гондоле...”. Но он не просто мечтал о Венеции – он выучил итальянский и много читал о ней...

В шестнадцать лет юный Федор Достоевский, по его собственным словам, *“беспрерывно в уме сочинял роман из венецианской жизни...”*; долгие годы мечтал он попасть в Венецию и увидел ее, наконец, в 1869 г.

И Иосиф Бродский знал Венецию задолго до того, как побывал в ней. В своем эссе “Набережная неисцелимых” он перечислял те формы, в которых для него задолго до очной встречи с Венецией пребывала ее “идея”: маленькая медная гондола, где мама держала нитки, а потом лекарства; авантюрный венецианский роман в переводе М. Кузмина; подаренный девушкой на день рождения заветный бабушкин складной альбом с картинками Венеции; растрепанный номер журнала “Лайф” с фотографией площади Сан-Марко зимой; квадратик дешевого гобелена с вышитым Palazzo Ducale, прикрывший валик на диване; полуофициальный просмотр контрабандной, а потому черно-белой, копии “Смерти в Венеции” Висконти с Дирком Богардом в роли Ашенбаха...

“Идея Венеции” не исчезает и после встречи с живой, реальной Венецией. Более того, очное знакомство помогает, обогатив, укрепить саму идею: спустя годы и годы Пастернак, Мандельштам, Кузмин, Ходасевич не только описывают реальный город – они воспроизводят и развивают свои “идеи Венеции”.

Случай с Виктором Некрасовым, хорошим русским писателем-фронтовиком, – это описание классического круга превращений его личной “идеи”: *“Венеция, Пьяццале... Я сижу на каменных ступенях набережной, в нескольких шагах от колонны Льва св. Марка и курю... В*

детстве у меня была книга «Таинственная гондола». Кто ее автор, не помню, содержания тоже не помню. Помню, что издание было Гранстрема, обложка красная, тисненая золотом, и что на первой цветной картинке было изображено венчание дождя с морем – громадный величественный корабль «Буцентавр», и на носу его в забавном колпачке маленькая фигурка дождя, бросающего перстень в воды Адриатики. Тогда – мне было восемь или девять – я написал свой первый рассказ. До конца я его не довел... Помню только, что принимали там участие и дождь, и «Буцентавр» и что начинался он на Пьяццале у колонны Льва св. Марка... И вот сейчас, почти через сорок лет, я вернулся к тому же месту. Итак, Пьяццале, Лев св. Марка и я, сидящий и курящий на ступенях набережной...»

Карта Венеции. С картины Й. Хайнца-мл.

Встреча В. Некрасова с Венецией произошла в конце 50-х – некоторое время спустя автор “В окопах Сталинграда” эмигрировал из СССР. То, что большевизм третирует как “низкопоклонство перед Западом” (это клеймо сопровождало Ахматову, Пастернака, Эйдельмана, Бродского), – не было ли это естественным для русских ощущением невозможности отлучения от родовой памяти человечества, непереносимости запрета на подтверждение общеевропейской “врожденной идеи”? Может быть, действительно “мы рождены, чтоб сказку сделать былью”?..

Я тоже знаю Венецию из некоего предшествующего опыта... В семейной библиотеке хранится редкое издание – Ph. Monnier “Venise au xviii siècle” (“Венеция в xviii веке”). Книга испещрена пометками бабушки, свободно владевшей несколькими языками, переводившей на русский язык Оскара Уайльда, Эрнеста Ренана, Ж.-К. Гюисманса. Возможно, она примеривалась и к переводу книги о Венеции – в те годы в Совдепии многие спасались чтением, переводом, сочинительством... Можно представить себе, как в годы войн, революций, неустroенности и голода могли восприниматься строки Ф. Монье о Венеции, венецианцах, их праздниках:

“После трудной недели настало наконец воскресенье и начался праздник. Ее население – это праздничная и праздная толпа... Благословенный час театров и концертов – это час их праздника. И все, окружающее их в этот час, – это убранство праздника. Жизнь покинула огромные давящие дворцы, она стала общей и уличной и весело разлилась ярмаркой по всему городу. Она нашла себе постоянное место на Пьяцце, на Пьяцетте, под аркадами, перед лавками, вдоль Большого Канала, в кафе, в казино... Ночей нет или, по крайней мере, есть только бессонные ночи. В Венеции семь театров, двести постоянно открытых кафе, бесчисленное множество казино... Днем перед кафе пятьсот посетителей сидят за столиками, и говор их смешивается со звоном ложечек, которыми мешают шербет. Под аркадами Прокураций проходят плащи из серого шелка, из голубого шелка, из красного шелка, из черного шелка, пурпурные рясы, халаты с разводами, золотые ризы, муфты из леопарда, веера из бумаги, тюрбаны, султаны и маленькие женские треуголки, вызывающе сдвинутые на ухо...”

Присяжный поверенный, известный московский библиофил, художественный критик и знаток театра Сергей Георгиевич Кара-Мурза (мой дед) и его жена (моя бабушка) Мария Алексеевна, урожденная Головкина, бывали в Венеции по меньшей мере однажды, весной 1913 г. В обычных тогда газетных анонсах о прибытии в европейские отели новых путешественников, помимо их имен, встречаем самые разные имена из тогдашней Российской империи – из Москвы, Петербурга, Киева, Минска, Одессы... Сотни и сотни имен, в большинстве своем ничем особо в истории не отмеченных, но именно из этих людей понемногу нарастал в России слой так называемых “русских европейцев”. Об этой традиции русских путешествий в Европу – в первую очередь в Италию – русский поэт и искусствовед Владимир Вейдле писал ни больше ни меньше как о “залоге европейского бытия России”. Верный своей культурно-исторической концепции, В. Вейдле считал русский большевизм следствием отчуждения России от Европы: *“Как только произошло пусть лишь частичное отчуждение от Запада, как только затуманилось для нас лицо Европы, тотчас постигла нас странная сонливость и повсюду стали замечаться уныние, застой, убыль духовных сил... Россия отходила от Запада... Самобытность она этим не приобретала. Наоборот, чем дальше отходила, тем становилась меньше похожей на себя...”* А блестящий русский философ и культуролог Георгий Федотов (кстати, по образованию историк-итальянист) один раз выразился еще более лаконично, зло и точно: не пожелаем, поленились почаще припадать к истокам европейской культуры – хлебайте теперь упрощенного Маркса...

Мои дед и бабушка были близко знакомы со многими главными персонажами этой книги – Валерием Брюсовым, Александром Блоком, Борисом Зайцевым, Александром Бенуа, Максмом Волошиным, Сергеем Глаголем (Голоушевым), Владиславом Ходасевичем. В предреволюционные годы в их большой квартире № 65 в известном доме “Россия” в Юшковом переулке, рядом с Мясницкой и Сретенским бульваром, собирались по вторникам “литературные журфиксы”, где бывали также Кузмин, Есенин, Маяковский, Эренбург, Сарьян, Гиляровский, граф А. Н. Толстой... Дед и бабушка были людьми “старой России”, хотя после революции предпочли остаться в “России молодой”. В 20-е годы дед председательствовал в Российском обществе друзей книги, заседания которого проходили в полуразгромленных помещениях закрытого большевиками московского Английского клуба. Думал ли он тогда, что спустя десятилетия его внук, как избранный старшина возрожденного Английского клуба, будет сам председательствовать на дискуссиях в том же самом особняке на Тверской? Вряд ли он мог даже помыслить об этом, но не убеждение ли в том, что Россия не погибнет, что Россия жива, пока жива русская книга, делало возможным жить, мыслить, работать...

Письма деда и бабушки из Италии в семейном архиве не сохранились. Сотни и сотни иных писем друг другу (из Крыма, Прибалтики, Подмосковья), но когда в Венеции они вместе – кому и зачем писать? И моя досада, как историка, на отсутствие более отчетливых семейных венецианских “следов” – наверное, лишь оборотная сторона их человеческого счастья.

Тихое, неафишируемое венецианское счастье многих и многих – но в истории чаще сохраняются проявления противоположного рода: дошедшие до нас венецианские письма А. Блока или И. Анненского – свидетельства их глубокого семейного и личного неблагополучия...

Несколько дней провели в Венеции в августе 1869 г. Федор Михайлович и Анна Григорьевна Достоевские. От пережитого восторга они потом даже путались в мемуарах: Федор Михайлович говорил о двух днях, а Анна Григорьевна – о четырех днях в Венеции. Но какая разница, если Венеция “пролетела как один день”, была “сплошным восторгом” и практически все время Достоевские провели на пьядца Сан-Марко?! И если бы Анна Григорьевна по рассеянности не забыла в Соборе свой любимый швейцарский веер (“Боже, как она плакала!” – вспоминал в одном из писем Федор Михайлович), мы вообще бы не узнали о подробностях их венецианских впечатлений...

II

Немногие реальные города мира удостоиваются права быть принятыми в сказочно-мифологический первоопыт формально иной национальной культуры, не нарушив, не повредив, а, напротив, усилив ее органику. Венеция для русских – из этого небольшого ряда. “Идея Венеции” – это нечто в одном ряду с Изумрудным или Солнечным городом, цирком Карабаса-Барабаса, царством Снежной королевы. Недаром в декорациях Михаила Врубеля к еще дореволюционной постановке “Сказки о царе Салтане” зрители без особого труда и удивления угадывали контуры венецианского Дворца Дожей...

Лев Толстой, весьма чуткий к органике национального воспитания, даже написал рассказ “Венеция” для издаваемой им русской “Азбуки”. А поэтесса Н. Лопухина (литературный псевдоним историка-итальяниста Н. Комоловой) пошла еще дальше, сочинив уже в наши дни легкую, как дыхание, “Венецианскую колыбельную”:

*Спи, усни,
Тебе приснится
Италийский сон:
Утра майского денница,
Синий небосклон.
Радугой повита яркой
Россыпь алых крыш,
И на площади Сан-Марко
Кормит птиц мальш...*

Но столь же воздушно-легким, как детская колыбельная, является признание в вечной любви к Венеции семидесятилетнего (!) Владимира Вейдле (1965):

*Золотисто здесь стало и розово:
Ветерок. Он под осень бывает.
Ветерок, ветерок, от которого
Сердце ослабеваает.*

*Да и биться зачем ему? Незачем.
Заслужило оно благодать
Под крыльцом у цирюльника
Чезаре Розовым камнем спать.*

Вид пристани и Дворца дожей. С картины Л. Карлевариса.

О какой-то провиденциальной связи с Венецией (Италия как “родина русской души” – наша традиционная тема со времен Гоголя) писали многие и многие русские – от Вяземского до Бродского. Вспомним хотя бы знаменитые строки Александра Блока (1909):

*Быть может, венецейской девы
Канцоной нежной слух плена,
Отец грядущий сквозь напевы
Уже предчувствует меня?*

*И неужель в грядущем веке
Младенцу мне – велит судьба
Впервые дрогнувшие веки
Открыть у львиного столба?*

И эта русская традиция не прерывается и не умирает. Среди последних примеров – венецианские эссе Петра Вайля: “Навязчивая картинка снова и снова возникает в последние годы – раздумывая о возможных метаморфозах жизни, представляешь себя почему-то на Риальто: в резиновых сапогах и вязаной шапочке грузишь совковой лопатой лед на рыбные прилавки. Невысокого полета видение, но, может, это память о прежнем воплощении...”

Самая знаменитая набережная Венеции – Riva degli Schiavoni, помимо традиционного перевода – “Берег славян”, часто, особенно во франкофонной культуре, переводится как “Берег рабов” или “Невольничий берег” (от французского “esclave” – раб, невольник). Впрочем, одно толкование не противоречит другому: в средневековье рабы в Венеции часто имели славянские корни. Однако для русских XIX – XX столетий этот филологический дуализм венецианской

Riva – и “славянской”, и “невольничьей” одновременно – получил новый, особой смысл. Какая-то русская привязанность к Венеции, “славянская неволя”... Что-то подобное, несомненно, имел в виду и Иосиф Бродский, когда назвал свое замечательное эссе о Венеции “*Fondamenta degli Incurabili*” (“Набережная неизлечимых”).

Поэтому за смесью неприязни и иронии по отношению к иностранцам у Вяземского, Сурикова, Вейдле, даже у такого космополита, как Бродский, без труда просматривается не столько ксенофобия, сколько естественная и в чем-то даже трогательная национальная ревность. Борис Пастернак прямо и честно написал об этом: *“Когда перед посадкой в гондолу, нанятую на вокзал, англичане в последний раз задерживаются на пьестете в позах, которые были бы естественны при прощании с живым лицом, площадь ревнует к ним тем острее, что, как известно, ни одна из европейских культур не подходила к Италии так близко, как английская”*.

III

Для многих знаменитых русских путешественников Венеция – это не только чудо-город, но и город-проблема. Одна из особых тем – тема венецианской государственности, ее величия и ее деспотизма. Многие афористические определения Венеции бьют в одну и ту же точку: *“Дворец, опирающийся на темницу! – вот формула старинной венецианской политики”* (Владимир Яковлев); *“Там умирали тихомолком, но жили шумно”* (Сергей Уваров); *“Времена наибольшего великолетия совпадают с наибольшим развитием тягостей венецианской государственности”* (Павел Муратов).

Ключевая тема русских размышлений о Венеции – цена государственного величия. И тут встречаются поразительные переключки. Вот тот же Уваров (1843 г.):

“Когда же издали валил флот Левантский, нагруженный сокровищами мира, тогда забывались жертвы глухой, непреклонной тирании: целая Венеция увешивалась флагами при воплях народа, упоенного радостью и располагавшего, по воле, всею роскошью, всеми богатствами земли...” А вот Борис Пастернак, в “Охранной грамоте” (1929) рассуждавший о Венеции, увиденной им в 1912 г.:

“Флот был невымышленной явью Венеции, прозаической подоплекой ее сказочности. В виде парадокса можно сказать, что ее покачивающийся тоннаж составлял твердую почву города, его земельный фонд и торговое и тюремное подземелье. В силках снастей скучал плененный воздух. Флот томил и угнетал. Но, как в паре сообщающихся сосудов, с берега вровень его давлению поднималось нечто ответно-искупительное...”

Удивительно, что в культуре русской вся эта проблематика с годами нисколько не теряет в актуальности. Может ли государственное величие и державность быть оправданием тягот и унижений “маленького человека”? – звучит куда как актуально. По сути это традиционная русская проблема, идущая от пушкинского “Медного всадника”. Но ведь, к слову сказать (я уже не раз писал об этом в других своих книгах), “Медный всадник” есть гениальная русская вариация на классическую – итальянскую по происхождению – тему всепобеждающего Государя-Кентавра у Никколо Макиавелли.

Русские культурно-исторические рассуждения о соотношении “Дворца” и “Тюрьмы” находят в Венеции визуально-архитектурное подтверждение: Дворец Дожей соединен с темницей Мостом Вздохов, где узник после приговора последний раз бросал взгляд на прекрасный город и солнечную лагуну – на тему этого материализованного парадокса созданы блестящие философские эссе Розановым, Уваровым, Перцовым, Бродским.

Но в русской литературе получила развитие еще одна тема – интеллектуально более сложная, но зато уже стопроцентно “венецианская”. Это тема всеобщей карнавализации и оборотничества человеческих отношений, тема взаимопревращений праздника и трагедии. Рус-

ским не давало покоя это парадоксальное сочетание и переплетение в венецианской политике двух элементов – разрешения гражданам носить маску и оставаться неузнанными и – одновременно – государственного поощрения всеобщего доноительства. И интерес к этому парадоксу не был интеллектуальным умничаньем сторонних наблюдателей. Ибо два этих элемента – венецианская маска и щель для доносов в форме львиной пасти – во многом действительно задавали внутреннюю энергетику венецианской жизни.

Итак, государственная система Венеции была для русских и предостережением, и искушением. *“Все мы, русские, любим по краям и пропастям блуждать”* – так еще в xvii в. то ли жаловался, то ли хвалился наш первый славянофил, сербский ученый монах Крижанич. Позднее ту же мысль переформулировал русский философ Федор Степун: *“Есть в русских душах какая-то особая черта, своеобразная жажда больших событий – все равно, добрых ли, злых ли, лишь бы выводящих за пределы будничной скуки”*...

Николай Бердяев в работе “Духи русской революции” описал большевизм как “маскарад”, “всеобщую хлестаковщину”, “круговорот харь” – русских традиционных масок. А оценка большевистской революции тем же Федором Степуном вообще во многом воспроизводит стилистику Филиппа Монье в описании им венецианских карнавально-маскарадных неистовств: *“Начинается реализация всех несбыточностей жизни, отречение от реальностей, погоня за химерами. Все начинают жить ультрафиолетовыми лучами своего жизненного спектра... Развертывается страшный революционный маскарад. Журналисты становятся красными генералами, поэты – военморами, священники – конферансье в революционных кабаках... В этой демонической игре, в этом страшном революционном метафизическом актерстве разлагается лицо человека; в смраде этого разложения начинают кружиться невероятные, несусветные личины. С этой стихией связано неудержимое влечение революционных толп к праздникам и зрелищам, как и вся своеобразная театрализация революционных эпох...”* Может быть, об этом и слова Осипа Мандельштама, захваченного революционным вихрем – круговоротом тотального оборотничества, маскировки, доносов и разоблачений:

*Что же ты молчишь, скажи, венецианка,
Как от этой смерти праздничной уйти?*

IV

Оказывается, что для очень многих русских Венеция – не только “колдовской”, но еще и “заколдованный” город. Попасть туда ох как непросто! – в пору говорить даже о некоей “мистике непопадания” в Венецию. Судите сами: Виктор Васнецов сел в Вене не на тот поезд и попросту уехал в другую сторону. Михаил Врубель в той же Вене в ожидании вечернего поезда на Венецию загулял в ресторане и вообще забыл про поезд... Никак не мог доехать до Венеции и скитавшийся по Европе Александр Герцен. Революционные события в Европе всякий раз заставляли его откладывать встречу с этим городом, и лишь все та же “революционная целесообразность” (а именно возможность встретиться с Гарибальди) то ли позволит, то ли принудит Герцена единожды, в 1867 г., все-таки побывать в Венеции... Достоевский долго обещал жене “показать Венецию”, которую хорошо знал, но никогда не видел. И вот наконец они в Италии, в нескольких часах пути, но деньги за окончанный и отосланный в “Русский вестник” роман все не идут и не идут, и Достоевские застревают на все лето в раскаленной от жары Флоренции. Понятно, что после этого увиденная таки Венеция показалась им воплощенным раем.

Вид на Большой канал. С картины Б. Белотти.

Известно, что Петр Великий был решительно настроен посетить Венецию во время своего первого заграничного путешествия (в первую очередь ради осмотра знаменитейшей в Европе верфи – Арсенала). Находясь летом 1698 г. в Вене, Петр заранее известил правительство дожа о своем предполагаемом приезде в Венецию, где он планировал пробыть около двух недель вместе с Меншиковым и несколькими сопровождающими. Правительство “Светлейшей Республики” приняло все меры для достойной встречи молодого царя “московитов”: гостю предполагалось отвести палаццо Фоскари на Большом канале и, кроме того, летнюю виллу “Парадизо” на территории Арсенала. Программа в Венеции, в соответствии с известными интересами Петра, включала осмотр строящихся судов и присутствие при литье пушек. Планировались также различные праздники и увеселения: кулачные бои, состязания гондол, опера, маскарад, а также официальный бал в зале Большого Совета во Дворце Дожей. Узнав обо всех этих приготовлениях, Петр уведомил венецианского посла в Вене, что предпочел бы посетить Венецию инкогнито – по паспорту на имя “волонтера Меншикова” (этот паспорт для “signore Alessandro Minshicof” сохранился среди документов посольства). Разочарованное правительство дожа отменило все приготовления; пять московитов, выехавших в Венецию для подготовки к визиту, были выселены из палаццо Фоскари и переселены в обычные гостиницы, где им пришлось самим оплачивать свое пребывание.

Однако незадолго до выезда в Венецию Петр получил в Вене известие о стрельцком бунте в Москве и, согласно официальной версии, спешно выехал в Россию... Еще одно, близкое к фатальному, “непопадание” в Венецию? Впрочем, найденные не так давно С. Андросовым в венецианских архивах документы намечают контуры принципиально иной версии событий, в которой разочарование сменяется надеждой.

Как известно, Петр путешествовал тогда по Европе как частное лицо в составе московского “Великого посольства” под руководством Франца Лефорта, Ф. Головина и дьяка П. Возницына. Тем не менее, даже путешествуя полуинкогнито, Петр не избегал встреч с августей-

шими особами: в июне-июле 1698 г. он провел в Вене серию бесед с императором Леопольдом I и канцлером графом Кинским, обсуждая возможности русско-австрийского союза против Турции. 15 июля Петр официально простился с австрийским императором, однако, согласно некоторым австрийским источникам (на которых и была основана “старая версия”), оставался в Вене до 28 июля, когда Петра якобы видели на одном из пиров “прислуживавшим за столом” главе русского посольства Лефорту. Эта версия и раньше вызывала сомнения: хотя царь и считался частной персоной, он вряд ли мог участвовать в пиршестве в роли слуги. Скорее всего, австрийский хронист ошибся, спутав царя с кем-то из его сопровождающих, а может быть, именно на эту ошибку и рассчитывал Петр, которого тогда в Вене уже не было. Ибо, выполнив в Вене все дипломатические формальности и расставшись с австрийским императором, он был уже на пути в Венецию.

29 июля 1698 г. некто Фериго Марина, глава администрации городка Местре (последнего на материке перед Венецией), докладывал в канцелярию дожа о том, что накануне, около полуночи, “группа из восьми московитов, прибывших из Тревизо”, договаривалась с местными лодочниками о переправе в Венецию... Еще более интересны документы венецианской тайной полиции, имевшей осведомителей в квартале православных греков. Один из агентов в те дни докладывал о странном оживлении в доме одного богатого грека, где жили тогда “московские князя Пьетро Голицини, Джуро Джуро, Грегорио и генерал Базилио Петроиц Серемет” (в них легко узнаются приехавшие в Венецию еще в 1697 г. П. А. Голицын, Ю. Ю. и Г. Ф. Трубецкие и В. П. Шереметев). В следующем донесении агента говорилось: *“Царь приехал в пятницу вечером и прошел в дом господина Дзордзи, грека в приходе Сан-Джованни Нуово, вышел из дома с одним товарищем, оба одетые по-славянски...”* Следующий документ – донесение от руководителя тайной полиции прокураторам Венеции: *“Конфидент вернулся ко мне и меня уверяет, клянясь своей жизнью (sopra la sua vita), что Царь в Венеции, в доме, о котором уже сообщалось Вашим Благородиям, и этим вечером отправляется в Конельяно...”* Новое донесение датировано 30 июля:

“Царь, одетый по-славянски, сегодня долго разговаривал со своим генералом, а потом в сопровождении своего переводчика все трое пошли к церкви Санта Мария Формоза, все время оборачиваясь назад, чтобы видеть, если кто-нибудь был сзади. Это я имею от конфидента и это сообщаю смиренно Вашим Благородиям”.

Доверяя профессионализму венецианской тайной полиции (безусловно, лучшей в Европе), можно предположить, что “царь московитов” Петр Алексеевич Романов действительно приехал в Венецию в ночь с 28 на 29 июля 1698 г. и отбыл из нее утром 30 июля, то есть провел в Венеции одни сутки (через несколько дней он догнал “Великое посольство” в Кракове). Но тогда получается, что метафора “Северная Венеция”, как через некоторое время назовут новую российскую столицу, – это не только образ, но и реальность и Санкт-Петербург родился под личным впечатлением каналов не только амстердамских, но и венецианских.

Косвенным доказательством того, что русский царь побывал-таки в Венеции, является тот факт, что в конце того же 1698 года Петр официально обратился к дожу Венеции с просьбой направить в Россию группу механиков и шлюзовых мастеров из венецианского Арсенала для строительства Адмиралтейства...

Симметрии ради следует напомнить, что Венеция, в свою очередь, построена на сотнях тысяч свай не только из левантийской и балканской, но и нашей – уральской лиственницы. Возможно, это и есть та самая “материальная основа” сохраняющейся в веках русской “идеи Венеции”?

Часть первая Знаменитые русские в Венеции

Семен Иванович Толбузин

Семен Иванович Толбузин (даты рождения и смерти неизвестны) – боярин, в 1474–1475 гг. посол великого князя Московского Ивана III к венецианским дожам Николо Марчелло и Пьетро Мочениго.

Толбузины – древняя фамилия из рода князей Смоленских, восходящего к Рюрику. Утратили княжеский титул при переходе на службу к великим князьям Московским; служили боярами, воеводами, дипломатами, имели обширные вотчины, пожалованные за верную службу. Семен Толбузин – один из праправнуков основателя рода Ивана Федоровича Толбуги (или Толбузы). Дед его погиб в 1380 г. на Куликовом поле, воюя под знаменами Дмитрия Донского; отец был воеводой великого князя Московского и Владимирского Василия I Дмитриевича.

...В 1453 г. под ударами турецкого султана Мехмеда II пал Константинополь, столица уже обескровленной к тому времени Византийской империи. Последний император “ромеев” Константин XI был убит, защищая город; византийские земли вошли в состав Османской империи. Православным грекам были обещаны права самоуправляющейся общины внутри турецкого государства; во главе общины должен был стоять “патриарх Константинопольский”, ответственный перед султаном.

Центром православного мира постепенно становилось Московское государство во главе с великим князем Иваном III. Набиравшая силу Москва оказалась тогда в орбите особого внимания со стороны папского Рима и других христианских государств Европы (в том числе Венецианской республики дожей) в качестве потенциального союзника в борьбе с Турцией.

Главным идеологом вовлечения православной Московии в общий фронт борьбы христиан с “неверными” был кардинал-униат греческого происхождения Виссарион Никейский. Уже в июле 1453 г., менее чем через два месяца после падения Константинополя, он направил письмо венецианскому дожу Франческо Фоскари, в котором обрисовал угрозы, исходившие от экспансии турок в Средиземноморье. Призыв Виссариона не был поначалу услышан правительством Венеции, но нашел отклик у местных нобилей. Среди них был Джан-Баттиста делла Вольпе, молодой дворянин из Виченцы, который около 1455 г. отправился на Восток, прожил некоторое время в Большой Орде, изучая возможность использовать войска хана против турецкого султана. Затем делла Вольпе объявился в Москве, где, приняв православие, поступил на службу к великому князю Василию II “Темному” монетным мастером под именем “Иван Фрязин”. К моменту воцарения Ивана III Фрязин-делла Вольпе был уже заметной фигурой в среде московской знати.

В 1463 г. под давлением кардинала Виссариона римский папа Пий II предложил Венеции объявить войну туркам. А когда османы захватили венецианскую крепость Аргос в Греции, Виссарион, в качестве личного посланника папы, отправился в Венецию, чтобы убедить правительство “встать на защиту веры”. В том же году Венеция, Венгрия и Албания создали военную коалицию против султана Мехмеда II.

В апреле 1467 г. в далекой Московии внезапно скончалась (согласно летописи – “от смертного злия”) первая жена Ивана III, Мария Борисовна “Тверянка”. А уже в 1468 г. в гости к управляющему московским Монетным двором, Ивану Фрязину (Джан-Баттисте делла Вольпе), приехали старшие братья из Венеции – Карло делла Вольпе и Николо Джисларди с

сыном Антонио. Братья представили хозяину дома своего спутника, грека Георгия, доверенное лицо кардинала Виссариона, и просили помочь ему в деликатном деле. Посланник кардинала должен был подготовить почву для переговоров о возможной женитьбе овдовевшего Ивана III на живущей в Риме греческой принцессе Зое Палеолог – дочери морейского деспота Фомы и племяннице последнего византийского императора Константина.

После захвата турками родного Пелопоннеса (Мореи) отец Зои, Фома Палеолог, бежал во владения Венецианской республики – на остров Корфу, а затем в Рим. Там после смерти родителей Зоя жила под опекой кардинала Виссариона, носящего титул “латинского патриарха Константинопольского”. В 1466 г. по его инициативе венецианская Синьория предложила кипрскому королю Жаку II де Лузиньяну кандидатуру принцессы Зои в качестве невесты, но тот отказался. В том же году папа Павел II, через того же Виссариона, дал согласие на брак Зои с богачом-униатом, неким “архонтом Каракиолом”. Молодые были торжественно обручены в Риме, но жених неожиданно скончался. Внезапная смерть в 1467 г. в Московии первой жены православного государя Ивана III открыла перед папской курией новые перспективы.

В феврале 1469 г. в Москву из Италии, уже официально, прибыл Юрий Траханиот, посол римского папы Павла II, венецианца по рождению Пьетро Барбо. Он привез великому князю некий “лист”, автором которого был кардинал Виссарион. В письме папа Павел II обещал Ивану III поддержку в случае, если тот посватается к византийской принцессе, нашедшей убежище в Риме. В послании принцесса Зоя именовалась “исконной православной христианкой”, руки которой якобы ранее безуспешно добивались французский король и герцог Миланский, но были отвергнуты по причине их “латинства”.

В Кремле предложение римского папы было обсуждено на семейном совете, куда были приглашены братья Ивана III, его ближние бояре и, конечно, мать – княгиня Мария Ярославна. Ей, вдове Василия II “Темного”, судя по всему, и принадлежало главное слово: престарелая княгиня-мать благосклонно восприняла предложенный Римом проект. Против выступил лишь митрополит Филипп, подозревавший в плане “латинян” новую попытку продвижения ранее отвергнутой Москвой церковной унии.

В качестве доверенного лица для предварительных сношений с Римом Иван III назначил Джан-Баттисту дела Вольпе (Ивана Фрязина), верного сторонника кардинала-униата Виссариона. Став посредником в заключении нового брака великого князя, Иван Фрязин одновременно через своего племянника Антонио Джисларди (Антон Фрязина) предложил Венецианскому правительству готовый план: поднять на турок войско Большой Орды в количестве до 200 тысяч вооруженных всадников. Когда весной 1471 г. Иван и Антон Фрязины, договорившись в Риме о свадьбе Ивана III с византийской принцессой, отправились в обратный путь в Москву, 67-й дож Венеции Кристофоро Моро включил в итальянскую делегацию личного посла – Джованни Батисту Тревизана, который должен был через Москву отправиться к хану Орды Ахмату с предложением антитурецкого союза, большой суммой денег и богатыми подарками.

Иван Фрязин показывает Ивану III портрет Софьи Палеолог. С картины В. Муйжеля.

10 сентября 1471 г. посольство Ивана Фрязина вернулось в Москву, согласовав в Риме детали свадьбы Ивана III с Зоей Палеолог и представив великому князю искусно выполненный в Италии “портрет” невесты – первое светское изображение на Руси. Одновременно Иван Фрязин (он же – делла Вольпе) убедил венецианского посла Тревизана не разглашать пока истинную цель своего приезда, так как в этом случае его вряд ли пропустили бы к хану Ахмату, с которым Московия конфликтовала. Назвавшись “простым купцом из Венеции”, Тревизан должен был жить в Москве до тех пор, пока делла Вольпе не найдет случая тайно переправить его к татарам. Лишь незадолго до нового отъезда делла Вольпе в Рим Тревизан перебрался в Рязань, откуда собирался двинуться дальше, в Орду. Однако Иван III, узнав о странных передвижениях “венецианского купца”, велел задержать его и заключить в тюрьму до возвращения своего посольства и выяснения всех обстоятельств.

Вторично Иван Фрязин ездил из Москвы в Рим в начале 1472 г. 25 мая он был принят новым римским папой Сикстом IV; здесь же присутствовали и братья Зои Палеолог, Андрей и Мануил. Вскоре в Ватикане в торжественной обстановке состоялся обряд обручения. Зоя отдала Ивану Фрязину, представлявшему жениха, свой перстень и нательный крест, а взамен получила перстень и крест Ивана III.

Выехав из Рима с большой свитой в середине лета 1472 г., Зоя Палеолог проделала сложный путь в Московию: караван царевой невесты проследовал через Флоренцию, Сьену, Болонью, Виченцу, переправился через Альпы, и далее – через немецкие земли – достиг Любека, где погрузился на корабли, которые доставили его в Ревель, а оттуда в Дерпт. Принцесса была с почетом встречена на границах Руси, проехала Псков, Новгород и торжественно въехала в Москву. Здесь, приняв православие, она окончательно стала “Софьей Фоминичной”; 12 ноября 1472 г. Иван III обвенчался с ней в деревянном шатре, возведенном в еще недостроенном Успенском соборе. Вместо отказавшегося участвовать в церемонии митрополита Филиппа молодых благословил коломенский протопоп Осея.

Обман с миссией венецианца Тревизана, пытавшегося тайно пробраться через Московию в Орду, раскрылся. Великий князь послал в Венецию Антона Фрязина (Антонио Джисларди) с жалобой на посла Венеции, велел сказать 68-му дожу Николо Трону:

“Кто шлет посла чрез мою землю тайно, обманом, не испросив дозволения, тот нарушает уставы чести...”

Напряжение в дипломатических отношениях Москвы с Венецианской республикой, а затем и с папским Римом усилилось после того, как был арестован и сослан в Коломну и Иван Фрязин – главный устроитель брака Ивана III:

“Князь же великы... повеле поимати Фрязина да оковав послал на Коломну, а дом его повеле разграбити и жену и дети изымати...”

Есть, однако, основания полагать, что и арест Тревизана, и последующий арест делла Вольпе были лишь публичной демонстрацией Иваном III того, что он после женитьбы на прибывшей из Рима принцессе не подпал под влияние “латинян”: оба узника были вскоре тихо отпущены.

В декабре 1473 г. венецианский Сенат, через того же Антонио Джисларди, отправил Великому князю Московскому письмо с извинениями:

“Поистине, пишем мы с целью, чтобы ваше высочество знало всю правду – послали мы упомянутого нашего секретаря (Тревизана) не для того, чтобы вызвать что-нибудь затруднительное или опасное для вашего государства, а потому, чтобы яснейший хан (Большой Орды) отвел и удалил от ваших границ и ближайшего с ним соприкосновения свои войска, стоящие по соседству с вашим государством, избавив вас от связанных с этим действий и тягот; чтобы он повел эти войска к берегам Дуная, для подавления турок, общего врага всех христиан, захватчика Восточной империи, которая – в случае, если в императорском доме не будет потомка мужского пола – принадлежала бы светлейшему вашему господству по праву вашего благополучнейшего супружества...”

Между тем “московское сидение” венецианцев Вольпе и Тревизана – пусть недолгое – требовало объяснений с Республикой дожей, и в Венецию было направлено специальное русское посольство, во главе которого Иван III решил на этот раз поставить не итальянца или грека, а доверенное лицо из московских бояр.

Посол Семен Иванович Толбузин отправился в Венецию в июле 1474 г., взяв с собою богатые подарки, в том числе особо ценимые в Европе “сорока” – связанные по сорок штук шкурки драгоценных соболей. Помимо дипломатических объяснений с новым, 69-м дожем Венеции, Николо Марчелло, московский посланник должен был представить правительству Светлейшей республики позицию Москвы, заинтересованной в координации действий христианских государей в борьбе с “неверными”.

К моменту приезда московского посольства в Венецию правительство Светлейшей Республики было всецело занято “турецким вопросом”. Одним из фронтов противостояния был остров Кипр, где в 1473 г. при странных обстоятельствах умер король Жак II Лузиньян, пытавшийся заигрывать с османами. Еще в 1468 г. его удалось склонить к браку со знатной венецианкой Катериной Корнаро. Овдовевшая королева, ставленница Венеции, начала борьбу с турецким влиянием при дворе; в качестве дополнительного “аргумента” Венеция направила к берегам Кипра эскадру, возглавляемую Пьетро Мочениго. “Венецианская партия” на Кипре одержала полную победу; спустя недолгое время остров полностью перешел под власть Венеции.

Другим пунктом противостояния Республики дожей с Оттоманской Портой была союзная Венеции Албания, где турки несколько раз осаждали стратегически важный город-крепость Шкодер, в котором находился венецианский гарнизон. В мае 1474 г. Шкодер был в очередной раз осажден 80-тысячной турецкой армией, и только поддержка венецианской эскадры под управлением того же Пьетро Мочениго позволила снять осаду.

(Спустя четыре года турки все-таки захватят Албанию, присоединив ее – вслед за Сербией, Болгарией, Византией и Боснией – к своим владениям.)

При этих обстоятельствах посольство из Московии – далекого, но набирающего силу христианского государства, способного стать союзником Республики дожей, встретило в Венеции самое благоприятное отношение.

69-й и 70-й дожи Венеции Николо Марчелло и Пьетро Мочениго.

1 декабря 1474 г., во время пребывания посольства Семена Толбузина в Венеции, скончался престарелый дож Николо Марчелло. Московский посол принял тогда участие в траурных церемониях: тело дожа было похоронено в церкви Богоматери Человеколюбивой, знаменитой хранимой там драгоценной святыней – подаренным в 1463 г. кардиналом Виссарионом (в бытность его папским легатом в Венеции) ковчегом с частью Животворящего Древа Креста Господня и Ризы Господней. (В 1818 г., после того, как церковь Santa-Maria della Carita вошла в комплекс художественной галереи Accademia, останки 69-го дожа Венеции были перенесены в собор Святых Иоанна и Павла.).

Церковь Богоматери Человеколюбивой на Большом канале.

Семен Толбузин стал в декабре 1474 г. свидетелем сложнейшей процедуры избрания нового дожа Венеции, которую постарался описать – впервые в русской литературе – в своих путевых записях. Эта система выборов существовала в Светлейшей Республике уже более двухсот лет (и просуществует еще триста) и включала в себя с десяток перемежающихся голосований и жеребьевок.

...В назначенный день самый молодой член венецианской Синьории должен был с раннего утра молиться в соборе Сан-Марко. Потом, выйдя из церкви, он останавливал первого встреченного им мальчика и брал его с собой во Дворец дожей, на заседание Большого совета. Мальчик, его называли *ballotino*, должен был вынимать из урны листочки бумаги и тянуть жребий. После первого такого жребия из состава Большого совета выбиралось тридцать членов. Новый жребий должен был сократить это число до девяти, а девятке предстояло голосовать за сорок кандидатов – эта группа должна была, опять же по жребию, потом сократиться до двенадцати. Эта дюжина выбирала двадцать пять человек, и они, в свою очередь, снова сокращались до девяти. Новая девятка голосовала за сорок пять кандидатов – и из них, путем еще одной жеребьевки, *ballotino* выбирал одиннадцать человек. Эти одиннадцать голосовали за сорок одного, каждый из которых должен был собрать в свою пользу не менее девяти голосов. Эти-то венецианские нобили числом сорок один человек в конце концов и избирали дожа. Сначала “выборщики” посещали мессу, и каждый по отдельности произносил клятву, что будет вести себя честно и справедливо на благо Светлейшей республики. Затем их запирали в тайном помещении Дворца дожей, ограждая от всех контактов с миром. Круглые сутки их охранял специальный отряд венецианских моряков, пока работа не была завершена...

Эта изощренная процедура выборов первого лица Венеции была призвана учесть интересы всех сторон и не допустить на высшую должность ставленника какой-либо одной партии или клана. Когда дож был выбран, он представал перед народом со словами: “Это ваш дож,

если это вас устраивает”. После этого он принимал присягу, в которой торжественно клялся действовать согласно законам и на благо Венеции. Власть дожа строго ограничивалась различного рода предписаниями: он не имел права появляться на публике в одиночку, не мог иметь собственности за границей, не мог один вскрывать официальную корреспонденцию, не имел права в одиночку встречаться с иностранными государями или посланниками и т. п.

14 декабря 1474 г. новым дожем Венеции был избран успешный военачальник и флотоводец, герой антитурецких кампаний, семидесятилетний Пьетро Мочениго. Находящийся в Венеции московский посол Семен Толбузин был представлен новому дожу и получил подтверждение всех ранее достигнутых договоренностей. В Венеции ему предстояло выполнить еще одну задачу – найти в Италии искусных мастеров, способных помочь в строительстве в московском Кремле нового Успенского собора, который начали возводить в 1460-х гг. на месте обветшавшего храма, построенного еще в 1320-х гг. при Иване Калите. Новое строительство было тогда поручено московским мастерам, однако, когда до окончания работ оставалось совсем немного, собор неожиданно обрушился. Великий князь Иван III по совету супруги Софьи Фоминичны решил пригласить “италийского муроля” (архитектора). В документах посольства Семена Толбузина, подписанных Иваном III, говорилось:

“А денег с Толбузиным князь велики послал своей казны 700 рублей, а рядиться с муролями повелел по 10 рублей на месяц найму...”

Есть основания полагать, что Софья Палеолог, приняв Толбузина перед отъездом боярина в Венецию, рассказала ему об искусном архитекторе и инженере Аристотеле Фиораванти, которого близко знал ее старый наставник кардинал Виссарион (в 1472 г. он умер в Равенне) в бытность его папским наместником в Болонье – родном городе Фиораванти. Этот “муроль” прославился на всю италийскую землю, когда с помощью механизмов собственного изобретения передвинул на пять саженей колокольню болонской церкви Санта-Мария Маджоре.

Московскому послу Семену Толбузину удалось договориться с “муролем” отправиться работать в Москву за высокое жалованье в 10 рублей в месяц (средняя деревня в Московии стоила тогда 2-3 рубля). Отъезд Фиораванти в далекую Москву облегчался еще двумя обстоятельствами. В Венеции, где был заключен контракт, еще помнили неудачу мастера при “выпрямлении” башни при церкви Св. Михаила Архангела: она в итоге обрушилась на стоящий рядом монастырь Св. Стефана. А за год до прибытия посольства Толбузина, в Риме случилась еще одна неприятность: Фиораванти был арестован и обвинен в сбыте фальшивых монет, за что был лишен всех привилегий. Обвинение оказалось ложным, но репутация мастера была поставлена под сомнение...

Как бы там ни было, в начале 1475 г. 60-летний Аристотель Фиораванти с двумя подмастерьями отправился в далекую Московию. “Софийская летопись” свидетельствует, что посольство Толбузина вернулось в Москву “на Велик день” (православную Пасху, которая в 1475 г. отмечалась 26 марта), и боярин представил Фиораванти Ивану III такими словами:

“Он не токмо на сие каменное дело, но и на иное всякое, и колоколы и пушки лити и всякое устроение и грады имати и бити их... и иное все хитр вельми...”

Русский историк Николай Михайлович Карамзин в своей “Истории государства Российского” так писал об обстоятельствах приезда Фиораванти в Московию:

“Принятый в Венеции благосклонно от нового дожа, Марчелла, Толбузин нашел там зодчего, болонского уроженца, именем Фиораванти Аристотеля, которого Магомет II звал тогда в Царьград для строения султанских палат, но который захотел лучше ехать в Россию, с условием, чтобы ему давали ежемесячно по десяти рублей жалованья, или около двух фунтов серебра. Он уже славился своим искусством, построив в Венеции большую церковь и ворота, отменно красивые, так что правительство с трудом отпустило его, в угождение государю московскому. Прибыв в столицу нашу, сей художник осмотрел развалины новой кремлевской

церкви... Он ездил в Владимир, видел там древнюю соборную церковь и дивился в ней произведению великого искусства; дал меру кирпича; указал, как надобно обжигать его, как растворять известь; нашел лучшую глину за Андроньевым монастырем; выкопал новые рвы и наконец заложил великолепный храм Успения, доньне стоящий пред нами как знаменитый памятник греко-италианской архитектуры xv века, чудесный для современников, достойный хвалы и самых новейших знатоков искусства своим твердым основанием, расположением, соразмерностью, величием...”

Добавим, что в строительстве собора была впервые на Руси применена “венецианская” технология: для укрепления фундамента в землю были предварительно забиты сотни деревянных свай. 12 августа 1479 г. новый Успенский собор был освящен митрополитом Геронтием.

В ответ на московское посольство, Венецианская республика послала на Восток еще одного своего посла – знатного венецианца Амброджо Контарини, который через Польшу, Киев и Грузию отправился в Персию с целью поставки противникам турок сделанного в Венеции новейшего оружия – главным образом, пушек и пищалей. В 1475 г. при дворе правителя Тебриза, Контарини оказался в одно время с Лодовико да Болонья, выполнявшим аналогичное поручение папы римского Сикста IV. На обратном пути из Персии Контарини четыре месяца пробыл в Москве (с сентября 1476 г. по январь 1477 г.), где был благосклонно принят великим князем Иваном III и его женой Софьей, а также встретился с давним венецианским знакомым – Аристотелем Фиораванти.

Большую роль сыграл Фиораванти и в перевооружении московского войска, организовав поблизости от Кремля пушечную мануфактуру: новые орудия начали здесь отливать из меди и бронзы.

А в середине 1480 г. ордынская конница снова выступила в поход на Москву, но, простояв на реке Угре в тщетном ожидании войск польско-литовского короля Казимира IV (знаменитое “стояние на Угре”), повернула назад на юг. Хан Большой Орды Ахмат был убит союзниками Ивана III. Зависимости Московского государства от Орды был положен конец.

Дмитрий Иванович и Мануил Иванович Ралевы

Дмитрий Иванович и Мануил Иванович Ралевы (даты рождения и смерти неизвестны) – сыновья перешедшего на русскую службу Иоанна Раля – православного грека из рода византийских императоров Палеологов; послы великого князя Московского Ивана III к 74-му дожу Венеции Агостино Барбариго (правил в 1486–1501 гг.).

В начале 1488 г. Дмитрий и Мануил Ралевы отправились в Рим, Венецию и Милан с известием о взятии Казани русскими войсками. В Венецию они прибыли в сентябре 1488 г. с подарками для дожа Агостино Барбариго и его советников. Московские послы выступили тогда в венецианском Сенате, рассказав о победе христианского государя над татарами и возведении на казанский трон ставленника Ивана III, Мухаммеда-Амина, женившегося на дочери ногайского хана Мусы – близкого союзника Москвы, лично участвовавшего в 1480 г. в расправе над ее главным врагом – ханом Большой Орды Ахматом.

Прием венецианским дожем посольства москвитов. *Рисунок xv в.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.